

7 февраля 1978 г. № 12 [5124]

обозрение

ТЕАТР ОДНОГО АКТЕРА

Владимир Иванович Немирович-Данченко любил повторять такую притчу: можно выстроить здание, заказать художнику декорации, а композитору музыки, пригласить опытного директора, но... все это еще не будет театр. А вот выйдут на площадь два актера, расстелят коврик — и родится театр. Ту же мысль на свой лад выскажет другой художник, с именем которого связано для нас понятие «человек-театр». Яхонтов в своей книге о призвании и профессии чтеца пишет: «В нашем искусстве нет бутафора, клея, бород, кулис, задника. Выход книги на подмостки — дело наших голосов...»

Ныне искусство художественного чтения тесно соседствует с искусством театра, занимая в общем ряду место отнюдь не периферийное. Пожалуй, стоит походить вечер за вечером в концертный зал, чтобы убедиться в том, что у него, так же, как у зала театрального, есть свои рабочие будни, аншлаги и триумфы. Негде яблоку упасть на концертах С. Юрского, по-прежнему большой интерес вызывают выступления В. Рецептера.

Взаимоотношения между чтецом и аудиторией вообще складываются на редкость заинтересованно. Может быть, это вызвано тем, что эстрада как-то по-особенному располагает к живому разговору о том, что волнует сегодня, сейчас. С одной стороны, на литературном вечере как бы остаешься наедине с книгой, а с другой — испытываешь удовольствие чисто устного общения. Слово автора передается чтецом как бы из уст в уста.

У литературных подмостков существует и свой «театральный развезд», где пересекаются мнения подчас противоположные. Аудитория концертного зала вовсе не пассивна и не благодушна — она внимательна. Это внимание хорошо уловил В. Иванов, который в своей статье «Таинство рождения слова» (она публиковалась в «Советской культуре» 19 апреля прошлого года) написал о повышенных «интеллектуальных запросах» аудитории, чаще всего знающей «сюжет» исполняемого.

Сюжет, как правило, действительно бывает знаком. Следовательно, перед чтецом возникают какие-то новые задачи. Сам В. Иванов, кстати сказать, строит свою программу на остросюжетности, почти детективной интриге. Он прежде всего автор и режиссер увлекательной литературной композиции «Сейчас или никогда. Хроника революции». Здесь использованы воспоминания современников, живые газетные отклики, подлинные документы эпохи, придающие программе дух хроникальности. И вместе с тем исполнителю прекрасно известны те сценические возможности, которые кроются в глубине повествовательного текста.

Литературная программа В. Иванова в целом напоминает спектакль, который рождается в слове и через слово. Такой же своеобразный спектакль выносит на конкретную эстраду А. Кузнецова. Ее спектакль, посвященный Грибоедову, составлен из фрагментов прозы Ю. Тынянова, документов грибоедовской эпохи и носит название «Итог жизни».

Исполнительнице даже понадобятся приемы театрального представления: в зале погасят свет, а сцена останется освещенной. Точно будут использованы немногочисленные вещи. Стул — здесь Грибоедов, закинув ногу на ногу, болтает со слугой Сашкой, уже мучимый предчувствиями скорого отъезда в Персию. Столик — здесь он ведет деловые переговоры, которые не кончатся для него добром. И рояль, обычно стоящий на сцене, у Кузнецовой становится мотивом почти лирическим. Однажды Грибоедов «оттолкнется от него, как от берега» и отплывет далеко, куда-то в море своего одиночества.

Через слово исполнительница показывает и саму эпоху

Грибоедова с холодом ее светских кулуаров, со скрытым драматизмом официальных диалогов. Кузнецова хорошо чувствует пространство сцены, ее жест пластичен и выразителен.

В спектакле А. Кузнецовой почти всегда верно прочитывается и доносится до нас глубокий лиризм сжатой тыняновской прозы. Вероятно, после этого вечера ее захочется перечитать или же открыть впервые. Зал слушает историю Грибоедова напряженно. И, по-моему, есть смысл в том, что мы оказываемся столь сострадательны именно к этой, сложной и трудной судьбе. Достаточно вспомнить, что вокруг имени Грибоедова существует привычное поле: декабристы, Пушкин. Но вот со сцены читается та самая страница романа, где в салоне Болгарина появляется Пушкин — выслушает «Грузинскую ночь» в исполнении автора, кажется, поймет, как никто... И вдруг отчетливо видишь: какими же отдельными друг от друга при всем своем сходстве остались две эти судьбы. У Грибоедова — своя драма, свой счет к времени, свой конец на чужой земле.

На примерах В. Иванова и А. Кузнецовой еще раз убеждаешься в том, как много значит в искусстве чтеца умение «действовать от лица слова». Притягательность их программ заключается прежде всего в драматической насыщенности, в использовании того, что в кино и на театре получило название «монтажный стык». Деловой документ оказывается плотно пригнанным к строкам лирического стихотворения, голос документов врывается в художественное повествование. Иванов овладевает вниманием зала исподволь, постепенно, Кузнецова начинает как бы без всякой подготовки, но и в том, и в другом случае их расчет оправдывается: мы безотказно «подключаемся» к событиям разыгрываемого спектакля.

Однако часто идешь на литературный вечер не затем, чтобы быть втянутым в новую интригу, которую исполнитель находит в знакомом сюжете, а как раз затем, чтобы услышать хорошо известное и любимое. Ощутить легкое волнение в тот момент, когда голос со сцены произнесет самое что ни есть хрестоматийное «Буря мглою небо кроет». В чем тут дело? Вероятно, в том, что, кроме прелести новизны, есть еще радость узнавания. Иначе ведь не объяснишь то чувство, которое мы испытываем, сталкиваясь, например, с искусством Василия Ивановича Качалова.

Слушать голос, читающий для нас вновь со «страниц» недавно выпущенного альбома грампластинок, почти страшно: голос человека, которого нет, голос театральной легенды. Не обманет ли нас эта встреча с прошлым? Конечно, надо сделать над собой некоторое усилие. И дело тут даже не в какой-то особой певучести, почти старомодном благородстве интонаций. Дело, пожалуй, в предельной наполненности качаловского артистизма жизнью и судьбой. Дело во времени, которое ушло. Тот же Яхонтов писал об искусстве чтеца как об искусстве «сегодняшней интонации». Что же сегодняшнего в чтении Качалова? Первая реакция: ведь так уже не читают! Но почему-то сидишь и слушаешь. Следишь за тем, как голос Качалова постепенно вбирает в себя богатство прозы Толстого, поэзию Пушкина и Блока. Актер не играет и не читает — он живет в слове, как театральный герой живет на сцене страстью. Здесь тайна его обаяния: время, уценяющее манеру и стиль, не уценяет живое. В этом состоит возможность прошлого оборачиваться близким, сегодняшним.

В «Театре Качалова» происходит странная вещь: кажется, что имеешь дело с авторским словом как таковым. В то же время исполнитель остается самим собой. Такой способ чтения представляется мне наиболее желательным, однако овладеть им сложно. Очень

трудно находиться на тонкой грани между собственным и авторским миром, сохранять шаткое равновесие «своего» и «чужого». Грань эта особенно тонка в так называемом лирическом чтении, при исполнении стихов.

В одном из своих стихотворений, предчувствуя, как будущий критик, исследуя строку, неосторожно прикоснется и к самой жизни поэта, Блок скажет: «Молчите, проклятые книги! Я вас не писал никогда!» Многие имена поэтов-классиков ныне глухо «молчат» и с концертной эстрады. Такова, заметим, участь стихов самого Блока, редко звучащего в литературных концертах, да и многих других замечательных русских поэтов. Тем радостнее бывают встречи с классической поэзией в исполнении актера театра «Современники» И. Кваша.

Кваша читает Пушкина, Блока, Маяковского, Пастернака, Ахматову. Он не пытается взорвать мир поэта динамитом собственной индивидуальности, не стремится поразить нас каким-то «своим» Пушкиным или «особым» Блоком. Общение с поэтом каждый раз оказывается для него интимным и торжественным. Прислушав это чтение, кто-то, возможно, скажет: «Совсем не так, как у автора». Однако в исполнении актера есть своя сегодняшняя отага и свое достоинство в обращении к творческому опыту классики. Отрадно и то, как чувствует Кваша музыку стиха. Читая Блока, он не впадает в соблазн «петь» его романсовые строки, а находит точный, сдержанно-горький тон. Впрочем, в какой-то момент мы отчетливо ощутим и «музыку» блоковского мира. В стихах Ахматовой музыкальность приглушается, растворяясь в скульптурной грации строки. Строже становится сама манера чтения, точнее ударная сила рифм, тоньше переход от факта к чувству. Динамично и стремительно читает актер Пастернака, передавая его сложный метафорический строй. Мне кажется, Кваше удастся главное: вести нас в мир поэта, приблизиться к тому, что было в его творчестве «почвой и судьбой».

Другим путем идет к своей новой программе А. Кутепов. Исполняя стихи В. Солоухина и М. Светлова, он пытается создать некий собирательный лирический образ, вплотную приблизить поэта к аудитории. Стихи читаются прямо в зал, они звучат так спокойно и достоверно, как будто бы между миром поэзии, самим исполнителем и слушателями нет никаких барьеров. Со сцены ведется своеобразный поэтический разговор о каждом в отдельности и обо всех сразу. Вероятно, слушателям и вправду хорошо знакомо самочувствие лирического героя, рожденного жить «под звездным небом», а живущего под «низким потолком». Вероятно, им привычна и тоска городского человека, редко смотрящего на полет журавлей и на восход солнца. Все это его мир во времени. Но вместе с тем А. Кутепов делает по-сегодняшнему живыми и светловские «звезды девятнадцатого года», романтику «Гренады». Его программа в наибольшей степени соответствует тому, что принято называть литературным концертом. Здесь, пожалуй, не возникает радости индивидуального открытия или внезапного узнавания, но зато рождается прочный контакт общей беседы, которая ведется всеми ее участниками на одном языке.

Так по-разному устанавливаются взаимоотношения между чтецом и аудиторией концертного зала. Четыре вечера, четыре программы... Вероятно, можно было бы подобрать и другие примеры — ведь «театр одного актера» не стоит на месте, постоянно ищет новые формы и пути. Каждый из исполнителей в своей личной лаборатории пытается определить и донести до нас «сегодняшнюю интонацию» своей программы. Остальное уже — дело аудитории, обладающей мерой собственного слуха.

Светлана ВАСИЛЬЕВА.